

УМРИ ВСЕ ЖИВОЕ

НОВЫЙ АЛЬБОМ
ПЕВИЦЫ БЬОРК

Музыка. - 2004. - 1 септ. - с. 14

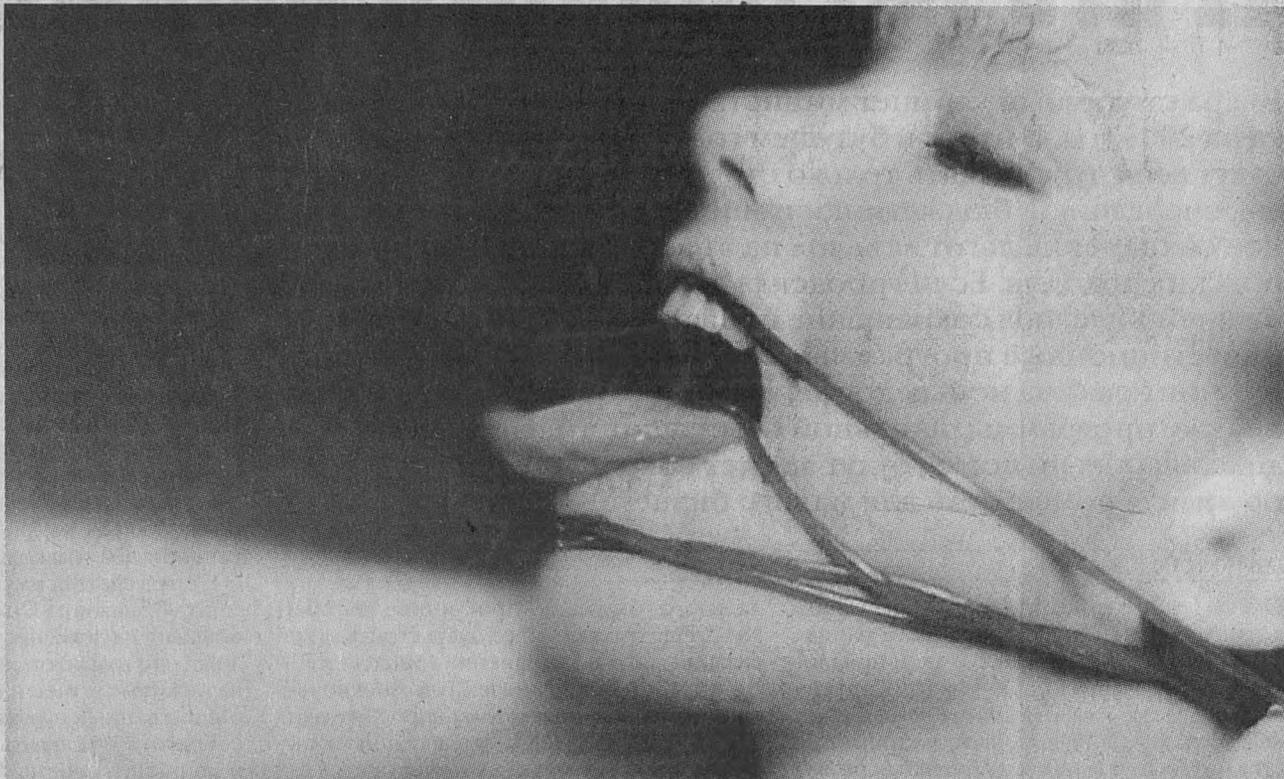
Змеиное шипение, клекот коростеля, тонны словесной руды, взнуданный детский хор, пригоршня колючих исландских фонем, звериные стоны, соло на губах, танец воды, много совершенно нечеловеческих криков и практически полное отсутствие обычных инструментов. Бьорк выпустила новый альбом.

АЛЕКСЕЙ МУНИПОВ

Чудачки с косичками, памятной по первым клипам, давно уж нет. С фотографий, выпущенных к новому релизу, мимо объектива глядит какой-то набеленный мешок с пустыми глазницами; мертвая оболочка странного, забытого в траве существа. У него уж конечно не окажется в запасе песни, пригодной к трансляции по радио, да даже и просто в компании живых, склонных к выпивке и разговорам людей. Чтобы прослушать альбом от начала до конца, требуется известное мужество — обычному человеку оно требуется для посещения отдельных особо актуальных выставок современного искусства, имеющих дело с гниением, разложением и распадом. Альбом называется «Medulla»; соответствующая словарная статья предлагает два подходящих варианта — «костный мозг» и «сердцевина растений». Терпи, слушатель: ты в мире сказок. Здесь принято говорить шепотом, пучить глаза, выступать в театрах, нанимать исполнителей поавангардней, шипеть огнем и изгонять из музыки последние остатки человечности. Здесь темно, сыро и страшно. Здесь, как принято думать, куется наше будущее.

Будущее звучит так: три минуты динамики давятся женским хрипом, подвешенным в пещерной тишине. Далее вступят и затихнут грустные дети. Пощелкает языком Докака, эксцентричный японец, исполняющий на губах разного рода песни, преимущественно чужие (от Slayer до King Crimson). Рыкнет в сторону Майк Паттон, экс-вокалист группы Faith No More (это, кстати, чудесная встреча — Бьорк и Паттон так давно и красочно клонятся к безумию, что рано или поздно не могли не найти друг друга). И мимо тягучих пауз, озер тишины и спрессованных в вату стонов проскользит, извиваясь, узнаваемый голос Бьорк Гундсмундоттир — певицы, которая все пытается разузнать, как выглядит музыка изнутри.

Эти поиски завели ее уже очень далеко: Бьорк последовательно отказалась от собственной группы, живых инструментов, струнных оркестров, клубной электроники и электроники прогрессивной, в конце концов оставшись наедине лишь с собственным вока-

лом. «Medulla» звучит так, словно ей никто не аккомпанирует вовсе: все треки сотканы из многократно усиленного, повторенного, искаженного, размноженного и засэмплированного человеческого голоса. Голос этот никуда не зовет и ничего не хочет сказать; он сам по себе — как эхо в горах или растущий тростник. Даже странно вспоминать, что начиналось все с сюжетных клипов и осмысленной лирики — сейчас на повестке дня размытые, нефокусированные выкрики, которые издает не человек, а какая-то поющая биомасса. История Бьорк со стороны выглядит как оползень, медленно и со страшным грохотом пожирающий скромные человеческие постройки. Зрелище завораживающее; правда, наблюдать за ним лучше все-таки издалека. Собственного психического здоровья ради.

Человек тонкий и вовсе не безумный, Бьорк лелеет за своими превращениями вполне определенную философию. Предыдущий ее альбом, «Vespertine», был окантован тихим микрорезонансным потрескиванием, похожим на песнь вольфрамовой дуги в лампочке. Создал его калифорнийский дуэт Matmos, самая известная работа которого целиком слежена из звуков, записанных в клинике пластической хирургии, а последний альбом, например, из криков крысы, запертой в клетке, Их фриланс для Бьорк автоматически переводил ее трагические колыбельные в разряд прогрессивного искусства. Сама же певица лишь недоуменно пожимала плечами. Вы не были, говорила она, в Исландии. Сходите, послушайте, как шумят гейзеры. Как трещит лед на ледниках. Я попросила Matmos устроить мне в компьютере карликовый потоп. Крошечное таяние ледни-

ков. Но, конечно, их и не сравнить с оригиналом. Все, что я спела или хочу спеть, каждый год исполняется в горах, в пещерах, у водопадов — силами гальки, ветра, травы и кустов, при полном отсутствии зрителей.

Сейчас, задним числом, кажется, что ничем другим ее история кончиться и не могла. Жан Кокто говорил о Марлен Дитрих: «Первая половина ее имени звучит как ласка, вторая — как удар хлыста»; более точного описания всего творчества Дитрих и не найти. Имя же Бьорк звучит как звонкий бульк камешка, брошенного в озеро: кому, как не ей, изображать фею земли и воды. И «Medulla» — это не просто набор утомленных вокальных фантазий. Они складываются в совершенно ясный образ: голый новорожденный человек, одиноко стоящий на земной коре. Он пытается научиться петь, нащупать в себе музыку и вытащить ее наружу. Еще не придуманы инструменты (потому их и нет на записи), да и мелодии только-только начинают складываться. «Medulla» — это доисторический вой, песня ветра, неумело повторенная человеком.

Беда только в том, что слушать его можно лишь из уважения к смелости художника. Ведь поет Бьорк все так же, а сочиняет — все хуже. И вся «Medulla» не стоит одной «I've Seen It All» из саундтрека к «Танцующей в темноте». Скажу крамольную вещь: очень неприятно стоять босиком на снегу. Так что — верните мне мою одежду. Пригласите людей, пусть войдут. Где у вас тут включается свет? Когда девушка выйдет из сумрака, дайте, пожалуйста, знать.

Схожу-ка на кухню — послушаю, как шипит газ.

Поет Бьорк
все так же,
а сочиняет —
все хуже

